

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ВОЙНЫ

Источник публикации:

Шатырёнок, Ирина. Неизвестные страницы войны [Электронный ресурс] // Вечерний Гродно: портал газеты. – Режим доступа: <http://vgr.by/2019/05/23/neizvestnyie-stranicyi-voynyi/?fbclid=IwAR28M3Oc9oH4mpLsJU48v299yy-Kx1QUWaW0P23sbE15jFotu0AuqHzE4VU>. – Дата доступа : 14.10.2019. – на рус. яз. – фото.

Со дня освобождения Беларуси прошло уже 75 лет, но до сих пор многие факты о войне неизвестны. Как это было, рассказывает ветеран войны, партизан-подrywник Леонид Лазаревич Скворцов. Ветеран живёт в Новогрудке, недавно ему исполнилось 103 года.

Родился в деревне Великий Двор Тотемского района Вологодской области в крестьянской семье. Имеет два ранения, награждён боевым орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, медалями. О себе шутит, что родился ещё при Николае Первом...

Леонид Скворцов в годы войны

В 1939 году Леонид Скворцов был призван в Красную Армию, служил в Белостоке радистом в корпусе тяжёлой артиллерии 13-й пехотной дивизии 10-й армии. Летом 1941-го должен был демобилизоваться, но...

ОБОРОНЯЛИСЬ ИЗ ПОСЛЕДНИХ СИЛ

...В первый день войны долго ждали приказа командующего Западным округом Д. Г. Павлова, коммутатор уже не работал, наши истребители в небо так и не поднялись — немцы разбомбили. Отступали тяжело, со скоростью 5 км в час, гусеничные тракторы тащили медленно. Казачий полк в красивой форме с красными лампасами нещадно бомбили.

Обороняясь из последних сил, двинулись в сторону Барановичей. Там получил первое ранение. В санитарной машине с ранеными пробираюсь на восток, в сторону Налибокской пущи. Через 40 км, в Кореличском районе, кончился бензин. Меня раненого приютила семья Ивана Буглака из деревни Луки. Спрятав на гумне, лечили до апреля 1942 года. Не выдали.

Подлечился, окреп, прибил к небольшой группе окруженцев. После отхода Красной Армии в пуще осталось много разрозненных отрядов.

Первые разведчики с радисткой, рацией, оружием, боеприпасами и взрывчаткой под командованием майора Василия Щербины десантировались в Налибокскую пущу в марте 1942 года. Группа имела регулярную радиосвязь с Москвой. Подрывники пускали под откос эшелоны на участках Молодечно — Минск, Лида — Молодечно, Барановичи — Минск.

ПЕРВЫЙ БОЙ В ЩОРСАХ

Наша группа вышла из леса 5 мая 1942 года: 17 человек, у каждого винтовка, пулемёт Дегтярёва с пятью дисками, два автомата ППШ. Перешли мост на реке Сервечь. Мельница, мужики мелют муку. Спрашиваем про Щорсы: стоит там немецкий гарнизон?

— А как же, — отвечают, — расстреливают коммунистов, комсомольцев, актив, учителей, не пожалели даже пионервожатую.

Из деревни Понемунь перешли по мосту Неман, дорога как на ладони. Заходим в Щорсы. Тихо, никого нет, будто вымерли. Окружили здание сельсовета, думали, что там гарнизон. К нам выбежала женщина, кричит, машет руками.

— Где гарнизон? — Показала на деревянную школу.

Немцы нас не ждали. Гарнизон не был укреплён. Окружили их, во дворе стоят новенькие велосипеды, винтовки в пирамиде. В доме патефон играет, на столе самогон, пачки немецких папирос. Взяли их тёпленькими. Добыли немало трофейных патронов, оружия.

Идём деревней обратно — люди выходят из домов, поздравляют нас:
— С победой, товарищи!

Какая победа! До победы ещё далеко...

После боя наш отряд разделился. Одна группа с командиром пошла за линию фронта, чтобы пробиться к своим на восток. Остальные, и я в том числе, остались в пуще. Воевал до июля 1944 года, до полного освобождения Беларуси. Дошёл до Кёнигсберга, вернулся домой только в 1946 году.

ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ БОРОДАЧА

С осени 1942 года находился в бригаде имени Чкалова, до самого освобождения — в бригаде «За Советскую Белоруссию».

Когда всё начиналось, в Налибокской пуще партизан было не много. Василий Васильевич Щербина по прозвищу Бородач был первым командиром, кто объединил окруженцев, партизан в Особое соединение партизанских отрядов (ОСПО).

Погиб Щербина не в бою. Был свидетелем этого случая, и меня спасло, что я лежал в шалаше. Сидела вся группа, комсостав, командир отряда Кузнецов. К ним подходит Бородач, ему доложили, что идёт инструктаж. Он взял мину, и она у него в руках взорвалась. Оторвало руки, ноги, тело разбросало... Человек двадцать ранило, у Кузнецова глаза вылезли, ночью он умер.

Всех похоронили в лесу, на берегу Ислочи, у деревни Белокорец Воложинского района, после войны было перезахоронение. Щербина посмертно получил Золотую Звезду героя. Считаю, смерть Бородача не случайной, за ним охотился Абвер. В Печах у немцев была школа, где готовили разведчиков и диверсантов. Разведка у них была отличная... Предателей среди нас хватало. Мы часто натыкались на засады. Ту магнитную мину, думаю, ему подложили.

Командиром потом стал комиссар по прозвищу Дима, его отряд потом ушёл из Налибокской пущи в логойские леса. В 1943 году они вышли на связь с минскими подпольщиками, и операцию со взрывом гауляйтера Кубе исполнял Дима.

В ТИСКАХ «ГЕРМАНА»

Карательная операция против партизан под названием «Герман» считается одной из самых жестоких. Оперативные группы СС и полиции применяли беспощадные меры, шли бои и зачистки, немцы вместе с полицаями сожгли немало населённых пунктов, молодёжь угоняли в Германию.

...Налибокскую пушу со всех сторон сжимали в тиски, с неба бомбили самолёты. Мы страшно голодали, костры жечь нельзя, ели сырые грибы. Был август, разбились на мобильные группы, отступали к озеру Кромань. Лес и дороги завалены деревьями — немцы их валили танками. У озера встретились с партизанами-митьковцами. Нас было семь человек, а «митьки» все на лошадях, быстрые, лихие. Предупредили, что немцы идут по просеке, тянут кабель, скоро будут у озера, прижмут вас к берегу, попадёте в капкан. Командир Митька выслушал меня, ушёл с бойцами на север, через непроходимые болота, а мы топали по воде речкой 30 километров, вымокли до нитки.

На островке нашли лагерь ребят из отряда «Комсомолец». Они местные, из ближайших деревень — Синявская Слобода, Погорелка, Лядки, Бережно, из Мирского района. Начальником штаба был Владимир Колесник, будущий белорусский писатель. «Комсомольцы» дружили с лесниками, те как свои пять пальцев знали глухие тропинки, укромные места, могли схорониться. И с едой было получше, ходили за продуктами к «батькам», принесли из дома картошки, муки, капусты, сала.

Накормили нас затирухой на воде, мы обсушились у костра. Говорим, что надо бы перерезать немецкий кабель. В «Комсомольце» образованные ребята, учились в Новогрудском педучилище, языки знали.

— Нет, мы немцев прослушиваем, — отвечают. — Через три дня блокада закончится.

Так и случилось: 11 августа 1943 года блокада Налибокской пуши прекратилась.

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

В деревне Крышиловщина Кореличского района жил фотограф, к нему в феврале 1943 года мы пришли сделать снимок на память. На всех сапоги (с ними беда, доставали кто как мог), а мой земляк Сергей Иванов — в валенках: привычка, дома, в вологодских лесах, ходил в валенках, так всю войну зимой и протопал в них.

Кубанки из овчины пошил местный скорняк, на них — красноармейские звёздочки, у бойцов галифе. У меня одного мешковатые штаны, на левом рукаве две нашивки подтверждали звание лейтенанта. В руках пистолет ТТ, таким вооружали лётчиков, танкистов, у остальных револьверы системы Наган. На воротничках гимнастёрки — красноармейские звёздочки. У крайнего слева рубашка явно не по размеру, мала — короткие рукава.

Подпись на оборотной стороне снимка: «Группа отважных партизан диверсантов-подрывников, которая спустила под откос 7 вражеских эшелонов» и перечисление фамилий.

Отряд имени Кирова, 1943 год (Скворцов — третий слева)

В отрядах была железная дисциплина, с её нарушителями расправлялись по закону военного времени. Помню, как боец забрал у одного хозяина хутора карманные часы. По приговору совета штаба (в каждой бригаде был штаб), его расстреляли.

Внешний вид входил в понятие «дисциплина». Бриться надо было обязательно. Управлялись стеклом, острым ножом. Если бородатый — точно не партизан. И в бригаде имени Чкалова, и в бригаде «За Советскую Белоруссию» мы старались сохранить элементы советской военной формы: кожаные ремни с пряжками, звёздочки на кубанках. Бойцы страшно обнашивались, форма ветшала, нательное бельё шили из парашютной ткани. Часто шутили: «Наша форма номер восемь, что достали, то и носим».

Немецкие спецслужбы создавали лжепартизанские отряды. Под видом народных мстителей те грабили и уничтожали гражданское население, дискредитируя в глазах народа настоящих партизан.

Зимой 1943 года шли на задание возле деревни Луки Кореличского района. Прибегает мужчина, говорит, какие-то партизаны грабят нас. Пошли разбираться. Видим, «партизаны» согнали скот, нагрузили подводы.

— Где ваш командир, кто вы, из какого отряда? — спрашиваю, из пистолета три предупредительных выстрела. — Отдайте этих кабанов, что награбили, хозяевам.

Командир не нашёлся, отвечают: мы партизаны из отряда Бельского.

— Так те стоят под Новогрудком, чего им здесь делать, под Миром?

Уехали, а мужики нам принесли из деревни гляк самогона, два кило сала. Отблагодарили.

ОТРЯД СТРЕЛКОВА

Часто ходили взрывать эшелоны под Барановичи, но дорога стала усиленно охраняться, нас обстреливали. Решили пойти на Лиду. По Барановичской центральной шли эшелоны на фронт, а Лидская — немного в стороне.

Не доходя до железки 10–15 км, встретили людей из отряда Стрелкова. Слышали про этот отряд, он был как-то в стороне, не имел связи с другими. Командир — из окруженцев.

Подозрительно: они на велосипедах, у партизан не было велосипедов. Говорят нам: не верим, что вы партизаны. Повели нас в отряд. Шли километров десять. Партизанская база обычно в глубине леса, а тут недалеко. Вышел командир. Роста маленького, в кожаной тужурке. Объявили тревогу: немцы идут. Мы стоим. Тревога оказалась специальная, нас проверяли. Около командира крутится комиссар, одет как Василий Васильевич Щербина: деревянная кобура-приклад с правой стороны для Маузера, планшет с топографической картой. Говорит: дадим вам в помощь 30 человек, вы взорвёте поезд, а мы его ограбим. Отвечаю, что нам не положено по инструкции принимать чужих людей. Попросились отдохнуть в какую-нибудь хату. Ночь, один партизан захотел выйти, не пропускают, часового поставили к двери...

Пошли вместе, их 30 человек да моих 7. Они заняли линию на насыпи сверху, а мы спустились вниз. Наступила тёмная ночь, идёт паровоз, впереди две площадки с песком, потом несколько вагонов.

Взрывали упрощённым взрывателем, сам ставил мину — 12 кг взрывчатки рядом с телеграфным столбом. Боец Синукаев дёрнул за шнур.

Взрыв, паровоз разорвало, меня облило кипятком, а партизаны сверху по нам открыли огонь, Синукаеву отрезали путь, он перебежал на другую сторону. За мной гнались, хотели убить, но в темноте не могли взять на прицел...

Собрались мои бойцы на мосту у речушки, нет Синукаева. Погиб? Пошли в деревню, в лагерь отряда.

Нас ждёт комиссар: ха-ха, ну что, взорвали? А где ещё один ваш, погиб? Синукаев пришёл под утро. Рассказал, что «партизаны», которые ходили с нами на задание ночью, уже ремонтируют дорогу.

Думаю, это были предатели или полицаи, переодетые в партизан. Нас хотели использовать, а потом убрать как ненужных свидетелей. Почему они нас выпустили живыми, не пойму. Мне один человек из этого отряда, Лукашевич Вася, после войны рассказал, что на узкоколейке Новоеल्या – Новогрудок тот «комиссар» застрелил Стрелкова в затылок, сам сбежал к немцам, а отряд развалился.

БОЙ ЗА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ

Раз в месяц с Большой земли прилетали военно-транспортные самолёты У-2, «Дугласы», их во времена войны поставляли в СССР по программе ленд-лиза из США. Они привозили оружие, тол, медикаменты, свежие газеты. Забирали тяжелораненых: в салоне помещалось двенадцать человек.

Так я передал через раненого друга украинца Петра Стацко, которого переправили в госпиталь в Москву, письмо с фотокарточкой для родителей, написал, что жив, здоров. Они не знали, жив ли я.

Самолёты прилетали по ночам, а на следующую ночь собирались в обратный путь. Лётчики нервничали, спешили улететь.

Немцы засекли полёты наших самолётов. Подослали к нам осведомителей: предатели — батяка и сын из деревни Ершевичи. Они всё разузнали, передали информацию врагу, и наш аэродром захватили. Его охраняла одна рота, человек пятьдесят, немцы смели их. Хотели принять с Большой земли самолёт, но радистка из штаба успела предупредить Москву.

Завязался бой за аэродром. Нас пять человек с ротным миномётом укрепились на высокой горке. Около 700 немцев и полицаев били по нашей точке из крупнокалиберных миномётов. Но тут неожиданно подключилась наша тяжёлая артиллерия, немцы не ожидали удара, партизаны погнали их, осталось много трофейного оружия. Затем выяснилось, что вокруг аэродрома были замаскированы тяжёлые орудия. До конца войны фашисты больше не сунулись к аэродрому, а своих осведомителей расстреляли за ложную информацию, что завели в ловушку.

Во время боя, когда немцы хотели захватить партизанский аэродром, ценный трофей — карту со сведениями наступления немецких частей против партизан добыл наш товарищ, смелый джигит под боевым именем Сулико. Так в отряде звали карачаевца Кипкеева, правильнее — Курмана-Али Рамазановича Кипкеева.

В октябре 1940 года его призвали в ряды Красной Армии, служил в Бресте. Окончил курсы младших политруков в Полоцке. Участвовал в оборонительных боях под Минском, Полоцком, Невелем. Раненым попал в окружение, скрывался в Налибокской пуще. Собрал группу окруженцев и летом 1942-го присоединился к партизанскому отряду № 620. С июня 1942 года — командир партизанского отряда имени Кирова партизанской бригады «За Советскую Белоруссию» Барановичской области.

Курмана-Али по прозвищу Сулико (в центре) среди партизан

На счету его бойцов немало удачных рейдов, разгром немецкого гарнизона в Городке, Пранчейковский рейд, засады у деревень Свечки, Пряники, бои у деревни Печище, в Михайловском лесу.

Его женой стала белорусская девушка Люда Савченко из Воложина. На задании под Молодечно Курман получил тяжёлое ранение в правую ногу,

началась гангрена, нужны были лекарства. Наша разведка двинула в Воложин, ночью добыла в аптеке спирт, бинты, лекарства. Врач в партизанском госпитале принял единственное решение: отрезать ногу. Пациента привязали к нарам, дали выпить спирта, и конечность отпилили простой пилой без наркоза. Редкого мужества человек, Кипкеев стерпел муки! Тяжелораненого Сулико отправили в Москву «Дугласом», спасли от заражения крови. Потом он всю жизнь ходил на протезе.

После войны работал в Першаях Воложинского района директором школы, его жена Люда тоже была учительницей. В 1957 году Кипкеев вернулся на родину, стал ректором Карачаево-Черкесского педагогического института, депутатом Верховного Совета РСФСР.